

Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе индекса Джини¹

Горбунова М. Л.*, Комаров И. Д., Маслова Т. Е.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2733-568X

РЕФЕРАТ

Регионализация, частным случаем которой является формирование интеграционных объединений, — естественный способ экономического развития большинства стран мира. Участие в интеграции позволяет странам лучше решать проблемы социально-экономического развития и политической координации. Устойчивость интеграционных объединений имеет ключевое значение для их успешности. Интеграционным объединениям свойственны процессы конвергенции и дивергенции, которые отражаются в неравенстве подушевых доходов стран-участниц.

Цель. Исследовать особенности и перспективы социально-экономической конвергенции государств ЕАЭС, их партнеров по торговой либерализации, а также в рамках основных интеграционных процессов в Евразии.

Задачи. Изучить устойчивость межгосударственного сотрудничества внутри ЕАЭС и в рамках стратегических контуров, формируемых соглашениями о зонах свободной торговли ЕАЭС на основе выявления конвергентных и дивергентных трендов. Провести сравнительный анализ евразийской интеграции с развитием Европейского союза и АСЕАН.

Методология. Оценить уровень и динамику неравенства доходов государств ЕАЭС и выборок государств, с которыми у ЕАЭС есть соглашения о зонах свободной торговли, — СНГ, Сербии, Вьетнама, Ирана и Сингапура, а также государств, с которыми заключение таких соглашений планируется в ближайшее время, — список включает Египет, Израиль и Индию, на основе индекса Джини, используя в качестве сопоставительных параметров аналогичные показатели Европейского союза и АСЕАН. Использовать расчеты для интерпретации процессов конвергенции и дивергенции интеграционных процессов разного типа.

Результаты. Расчеты показали в целом значимый интерпретационный потенциал межгосударственного индекса Джини. Частные итоги исследования показали, что ЕАЭС имеет уровень конвергенции, сопоставимый с уровнем ЕС до присоединения большого массива государств в 2004 г. Уровень конвергенции СНГ, оцененный с помощью индекса Джини, сопоставим с текущим уровнем Европейского союза. Выявлено также, что и в ЕС, и в СНГ снижение неравенства на выбранном интервале анализа не имеет четкой перспективы. Расчеты также показали, что конвергенция государств в рамках ЕАЭС и его стратегических контуров чувствительна к внешним шокам, в то время как конвергенция государств АСЕАН является более направленной.

Выводы. Используемый авторами подход к оценке конвергенции интеграционных процессов с расчета межгосударственного индекса Джини с достаточной полнотой объясняет причины успешного развития ЕАЭС и его устойчивости. В то же время применение межгосударственного индекса Джини для анализа конвергенции и дивергенции интеграционных процессов по-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, соглашение № 23-28-00160 (внутренний номер темы Н-235-2_2023-2024).

зволило сделать вывод о разнотипности моделей интеграции государств Глобального Севера и Глобального Юга.

Ключевые слова: ЕАЭС, конвергенция интеграционных процессов, дивергенция интеграционных процессов, контуры интеграции ЕАЭС, индекс Джини

Для цитирования: Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Маслова Т. Е. Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе индекса Джини // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 34–45.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-34-45>

Study of Convergence and Divergence of EAEU Integration Processes Based on the Gini Index

Maria L. Gorbunova*, Igor D. Komarov, Tatyana E. Maslova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2733-568X

ABSTRACT

Regionalization and participation at the integration associations represent a typical way of national economic development. To be inside an integration process allows member states to address better their socio-economic problems and political coordination. The stability and resilience of integration associations are critical to their success. In this optic the integration associations may be subjects convergence and divergence. These phenomena may be envisaged in the income inequality of the participating countries.

Aim. To study the features and prospects of the socio-economic convergence within the EEU member states, the EEU strategic contour and within the main trends of integration processes in Eurasia.

Task. The tasks are following. The first one is to study the sustainability of the EEU and within its strategic contours formed by agreements on free trade zones through the convergent and divergent trends assessment. The second task is to conduct a comparative analysis of Eurasian integration to the European Union and ASEAN development.

Methods. Assess the level and dynamics of income inequality among the EEU states and samples of states with which the EEU has agreements on free trade zones, which are the CIS, Serbia, Vietnam, Iran and Singapore, as well as states with which such agreements are planned to be concluded in the near future. This list of the EEU's prospect partners includes Egypt, Israel and India, based on the Gini index, using the European Union and ASEAN as reference parameters. Use calculations to interpret the processes of convergence and divergence of various types of integration processes.

Results. The estimates showed, in general, a significant interpretive potential of the interstate Gini index. The study particular results demonstrated that the EEU has a level of convergence comparable to the level of the EU before the accession of a large array of states in 2004. The level of convergence of the CIS, estimated using the Gini index, is comparable to the current level of the European Union. It was also revealed that both in the EU and in the CIS, the reduction in inequality over the selected analysis interval does not have a clear prospect. Calculations also showed the convergence of states within the EEU and its strategic contours to be sensitive to external shocks, while the convergence of ASEAN states is more directed.

Conclusions. The approach used by the authors to assess the convergence of integration processes based on the calculation of the interstate Gini index explains with sufficient completeness the reasons for the successful development of the EEU and its sustainability. At the same time, the use of the interstate Gini index for the analysis of convergence and divergence of integration processes made it possible to conclude that the integration models of the states of the Global North and the Global South are diverse.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), convergence of integration processes, divergence of integration processes, contours of EAEU integration, Gini index

For citing: Gorbunova M. L., Komarov I. D., Maslova T. E. Study of Convergence and Divergence of EAEU Integration Processes Based on the Gini Index // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 34–45. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-34-45>

Введение

Основным экономическим мотивом к развитию интеграции можно назвать эффективное распределение ограниченных ресурсов и факторов производства в связи с активацией международного разделения труда и снятием барьеров для международной торговли, обеспечением национальной экономической безопасности и стимулов к модернизации странам, входящим в состав того или иного интеграционного объединения [2]. Осуществляется трансформация уже действующих интеграционных проектов, обосновываются новые инициативы, продиктованные основными центрами силы первого порядка — Россией, Китаем, Европейским союзом и США.

Сейчас именно Большая Евразия становится своеобразным полем битвы для амбициозных инициатив в области интеграции с пересекающимся составом государств-членов. Каждый из основных участников евразийской интеграции, среди которых страны Европейского союза, Китай, США и Российская Федерация, стремятся привлечь в свои проекты малые и средние государства континента, способствуя перекрестному участию этих стран сразу в ряде многосторонних или двусторонних соглашений о свободной и преференциальной торговле между собой, а также с лидерами объединений [13]. В конечном итоге можно с весомой долей вероятности предсказать «объединение восточного и западного экономических пространств» в Евразии [6].

На передний план сейчас выходят современные инициативы крупнейших развивающихся стран мира, заинтересованных в оживлении региональной интеграции [4].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 г., не только имеет положительные показатели развития интеграционного объединения, но и стремится развивать интеграцию на континенте, осуществляя поиск и ведя переговоры с новыми потенциальными партнерами. Начав свой путь от истоков Таможенного союза в 2010 г., евразийской интеграции понадобилось всего пять лет до образования ЕАЭС, тогда как Европа проходила подобный путь интеграции более тридцати лет [2].

ЕАЭС считается флагманским проектом в рамках третьего президентского срока В. В. Путина, призванным создать общий эффективно функционирующий рынок для 180 млн чел. Кроме того, ЕАЭС подписано несколько международных соглашений, многие государства заинтересованы в установлении взаимовыгодных торговых отношений с данным интеграционным объединением [10].

Эволюция, возможности, преимущества и вызовы ЕАЭС

Страны — члены ЕАЭС стремятся к устойчивому развитию государств-членов на основе наращивания интеграционного взаимодействия и адаптации институтами Союза лучших мировых подходов, форматов и практик¹. В обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза отмечается: «Наша тесная интеграция стала достойным ответом на такие обострившиеся в связи с пандемией и применением рядом стран нелегитимных санкций глобальные проблемы, как бедность, изменения климата, дефицит ресурсов, включая важнейшие из них — продовольствие, воду, энергоносители. Очевидно, что у Союза есть все возможности для того, чтобы стать одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 16.03.2023).

мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с ЕвразЭС независимых государств»¹.

Исследователи ЕАЭС выделяют сильные и слабые стороны Евразийского союза. А.-С. Гаст считает, что ЕАЭС стал не только первым масштабным соглашением о региональной экономической интеграции между государствами постсоветского пространства, но и первой региональной организацией, в рамках которой Россия с ее региональной гегемонией согласилась на ограничение своего суверенитета. Преимуществом ЕАЭС является точная и детализированная правовая база в сравнении с другими евразийскими региональными объединениями [11].

М. Голам и М. Моновар отмечают, что ЕАЭС добился определенного прогресса в организации за счет создания четырехуровневой структуры управления.

К проблемам авторы относят наличие торгового конфликта между крупными государствами ЕАЭС — Россией, Беларусью и Казахстаном, в то время как Кыргызстан и Армения сосредоточены на своих интересах безопасности и на сохранении субсидированных цен на российские нефть и газ [12].

Р. Драгнева [10] также называет ЕАЭС передовой формой экономической интеграции, развитой международной организацией с собственной развитой правовой структурой и эффективной системой институтов. В качестве недостатков автор выделяет структурную асимметрию и неравенство государств — членов ЕАЭС.

А. Есдаулетова и А. Есдаулетов связывают преимущества ЕАЭС с большим внутренним рынком и значительными резервами рабочей силы. Процессу эффективной интеграции ЕАЭС в сфере экономики препятствуют наличие большого количества секторов, скорость интеграции, слабая ориентация лидеров на внутренние рынки, доминирование сырья в структуре экспорта. Политические проблемы связаны с вопросами поддержания суверенитета государств-членов на фоне возрастающего регионального влияния России [15].

Б. С. Серджи видит успех объединения в создании таможенного союза, гарантирующего переход к более эффективным формам экономической интеграции. Государства — участники ЕАЭС сближают модели развития, инфраструктура, кооперационные связи, технологические цели и структурная однородность. Но недостаточно развитый финансовый сектор и технологические возможности не позволяют ЕАЭС стать драйвером региональных инноваций [14].

А. Адаров укрепляет мысль многих авторов о том, что создание ЕАЭС стало самой успешной попыткой реинтегрировать экономики постсоветского пространства, однако указывает на необходимость устранения остающихся нетарифных барьеров в торговле, перехода к общепризнанным мировым стандартам, активизации участия в глобальных производственно-сбытовых цепочках и улучшения деловой среды для привлечения иностранных инвестиций [9].

В докладе авторского коллектива Высшей школы экономики 2019 г. отмечается, что страны ЕАЭС обладают разными масштабами, отличающейся промышленной структурой, ресурсным и экономическим потенциалами. Объединяет государства общие цели, связанные с экономическим ростом, улучшением качества жизни и благосостояния своих граждан [2].

Важными характеристиками устойчивости интеграционных объединений являются конвергенция и дивергенция участников, измеряемая разными показателями. Подробный обзор литературы по вопросам конвергенции и дивергенции дан в работе М. А. Бельченко [1]. А. М. Либман в работе 2006 г. использует методы регрессионного анализа и оценки параметров β -конвергенции и σ -конвергенции. β -конвергенция предполагает наличие эффекта низкой базы, когда государства с низкими доходами растут быстрее, а σ -конвергенция опирается на сокращение стандартного отклонения анализируемых показателей [4]. А. М. Титович и А. В. Торопыгин используют, например, методы многомерного статистического анализа — методы временных рядов ARIMA и кластерный анализ [8]. Общим эмпирическим выводом работ является выявление периодов чередования конвергенции и дивергенции участников интеграции, в первом случае на постсоветском пространстве, во втором — на примере ЕАЭС и АСЕАН.

¹ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. 23.01.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 16.03.2023).

Авторы предлагают проанализировать конвергенцию и дивергенцию государств внутри интеграционных блоков через оценку неравенства доходов на душу населения. Конвергенция предполагает снижение неравенства между участниками интеграционного объединения, так как повышается устойчивость объединения за счет сглаживания противоречий между государствами с более высокими доходами и менее обеспеченными государствами. Большее неравенство означает дивергенцию государств, что в целом менее эффективно для перспективы интеграционного блока как института.

Для оценки неравенства авторы предполагают рассчитывать индекс (коэффициент) Джини, традиционно используемый на национальном уровне¹. Индекс Джини имеет безразмерную величину, таким образом, его расчет на основе ВВП, выраженного в долларах, позволяет сравнивать разные межгосударственные объединения, а также он в целом устойчив к инфляции, хотя испытывает влияние изменений валютного курса.

Применение индекса Джини к анализу неравенства государств-участников интеграционных объединений является ключевым элементом научной новизны методологического характера данного исследования. Возрастание неравенства в рамках интеграционного процесса (увеличение индекса Джини) отрицательно влияет на конвергенцию и свидетельствует о формировании конфликтного потенциала. Верно и обратное.

Индекс Джини для межгосударственных объединений, по предположению авторов, должен превышать внутристрановые показатели, так, между государствами дивергенция выше, чем, например, между регионами отдельных стран, в том числе из-за социальной и региональной политики. Национальные показатели Джини можно увидеть в работе В. В. Смирнова, А. В. Мулендеевой [7] — для РФ он составляет 0,416.

Оценка неравенства государств-участников в рамках стратегических контуров ЕАЭС

Методология исследования. Работа основана на применении индекса Джини к анализу конвергенции в рамках интеграционных объединений.

Государства сгруппированы следующим образом (в скобках указаны названия групп государств, использованные в качестве легенд на рис. 1–3):

- государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация;
- первый контур ЕАЭС (ЕАЭС 1-й контур) — государства СНГ — Азербайджан, Грузия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина;
- второй контур ЕАЭС (ЕАЭС 2-й контур) — государства, с которыми заключены соглашения о создании зон свободной торговли, — Сербия, Вьетнам, Иран, Сингапур;
- государства ЕАЭС вместе с государствами первого и второго контуров (ЕАЭС и контуры) — совокупность всех перечисленных выше групп государств;
- контуры плюс (ЕАЭС и контуры+) — государства, с которыми предполагается заключить соглашения о создании зон свободной торговли в соответствии со «Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции», — Египет, Израиль, Индия².

Поскольку индекс Джини ранее не рассчитывался для совокупности государств по методике, предлагаемой авторами, чтобы интерпретировать полученные величины, авторы оценили этот показатель для государств — членов Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Европейский союз своего рода «ролевая модель» для интеграционных объединений всего мира в свя-

¹ Индекс Джини отражает степени расслоения внутри выборки по определенному признаку. В нашем случае речь идет о доходах на душу населения государств — членов интеграционного объединения, сопоставляются доли государства в общем ВВП и общей численности населения. Величина индекса изменяется от 0 до 1. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных государств.

² Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 16.03.2023).

зи с тем, что теория и практика интеграции созданы и развиваются с учетом европейских достижений. АСЕАН — высокоуровневое объединение развивающихся стран.

Данные исследования. Для расчета индекса Джини использовались показатели численности населения государств и ВВП на душу населения в долларах в номинальном выражении в соответствии с Базой Всемирного Банка¹.

В отличие от большинства макроэкономических показателей численность населения и ВВП государств не имеют пропусков, то есть являются самыми доступными и полными.

Показатели Джини для ЕАЭС и его стратегических контуров представлены на рис. 1.

Данные подтверждают очевидный тезис о том, что выборки с большим числом государств имеют более высокий коэффициент Джини — большее неравенство, что означает большую дивергенцию. Наименьший индекс Джини, большее равенство участников и, следовательно, наибольшая устойчивость наблюдаются у Евразийского экономического союза. Далее коэффициент Джини возрастает по мере расширения контуров интеграции. Исключение составляет группа «ЕАЭС и контуры+», сформированная из государств ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация), из государств, имеющих с ЕАЭС соглашения о создании зоны свободной торговли (Азербайджан, Вьетнам Грузия, Иран, Молдова, Сербия, Сингапур, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина), и государств, с которыми ЕАЭС планирует заключить соглашения о свободе торговли до 2025 г. (Египет, Израиль, Индия), на графиках — «ЕАЭС и контуры+».

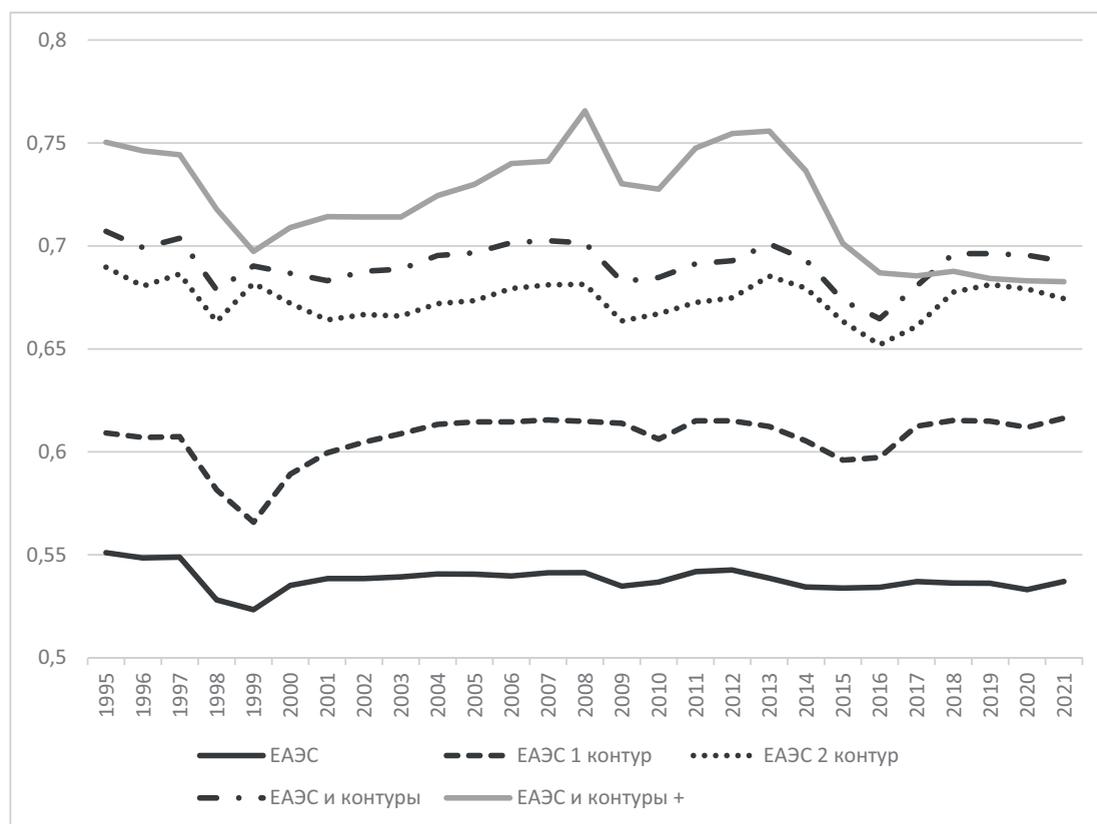

Рис. 1. Индекс Джини в рамках стратегических контуров ЕАЭС

Fig. 1. The Gini Index within the strategic contours of the EEU

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

¹ База данных Всемирного Банка — World Development Indicators [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 16.03.2023).

Индексы демонстрируют сходную динамику. На графике прослеживаются общие для всех группировок внешние шоки — кризисы 1997–1998 гг., 2008–2010 гг., падение цен на минеральное топливо в 2015–2016 гг. В целом можно сказать, что соблюдается закономерность — большая численность государств имеет большее неравенство, но в целом показатели стабильные.

Наибольший интерес представляет самая большая группа государств интеграционного контура ЕАЭС, куда также включены партнеры, с которыми соглашения о свободе торговли планируются к подписанию до 2025 г. Из-за присутствия Индии и Египта динамика противоречива. Индекс Джини демонстрировал восходящий тренд до 2013 г., что связано с тем, что эти государства имеют значительный вес в общем ВВП выборки, и именно в этот период Египет переживал события «Арабской весны», а Индия активно открывалась глобализационным процессам. После 2013 г. межгосударственное неравенство в этой выборке начало снижаться, и с 2018 г. показатель неравенства группы государств «ЕАЭС и контура+» опустился ниже индекса Джини группы «ЕАЭС и контуры», которая имеет меньшую численность.

Это означает, что включение в периметр интеграции новых стратегических партнеров, в их число входит также Израиль, сглаживает межгосударственное неравенство по доходам внутри первого и второго контуров интеграции. Интеграционный кластер с потенциальными партнерами обладает меньшим межгосударственным неравенством по доходам и большей конвергенцией, чем кластер в существующем виде. Это говорит о том, что зафиксированный в стратегических направлениях вектор развития евразийской экономической интеграции повышает ее устойчивость.

На рис. 2 представлены данные сравнения ЕАЭС, ЕАЭС и государств первого контура (СНГ), ЕАЭС с государствами обоих контуров и Европейского союза, выбранного в качестве ориентира.

Показательно, что индекс Джини Европейского союза разместился в «туннеле» между ЕАЭС и СНГ. Индекс Джини до присоединения государств Центральной и Восточной Европы в 2004 г. ближе к показателям ЕАЭС, в то время как после присоединения он сместился и превысил индекс государств СНГ. Это позволяет сделать вывод о достаточной конвергенции двух ключевых интеграционных объединений постсоветского пространства. Высокая конвергенция ЕАЭС и СНГ может быть объяснена меньшей численностью государств-участников.

Индекс Джини ЕС существенно ниже индекса Джини для выборки, включающей государства ЕАЭС вместе с государствами первого и второго контуров, что является логическим следствием того, что ЕС имеет существенно более долгую историю, находится на более высоком уровне интеграции и, таким образом, характеризуется более высокой конвергенцией и устойчивостью.

Сопоставление индекса Джини государств евразийского интеграционного проекта с государствами АСЕАН представлено на рис. 3. АСЕАН в сравнении с ЕАЭС и СНГ (первый контур интеграции ЕАЭС) имеет большее неравенство между государствами-участниками. Это согласуется с тем, что интеграция постсоветского пространства институционально более развита — формат полной зоны свободной торговли в СНГ существовал с 1994 г., а ЕАЭС достиг уровня полного таможенного союза. Величина индекса Джини АСЕАН сопоставима с уровнем индекса государств ЕАЭС и государств — партнеров Союза по соглашениям о либерализации торговли. Обращает на себя внимание стабильно нисходящая — атипичная в сравнении с другими выборками — динамика индекса Джини. Это свидетельствует о том, что государства АСЕАН демонстрируют тенденцию к конвергенции участников даже в условиях внешних шоков.

Для уточнения показателей авторы рассчитали среднее значение, среднеквадратичные отклонения и наклон индекса Джини рассматриваемых групп государств (см. таблицу).

Самыми низкими средними значениями обладают ЕАЭС и ЕС, что согласуется с предыдущими выводами авторов.

Наибольшие среднеквадратичные отклонения — волатильность — индекса Джини наблюдаются у АСЕАН, группы «ЕАЭС и контуры+» и Европейского союза. По мнению авторов, это обусловлено тем, что существует большая разница между начальными и конечными значениями индекса Джини у государств АСЕАН, а в динамике индекса Джини государств ЕС есть сдвиг в 2004 г., связанный с присоединением государств Центральной и Восточной Европы. Таким образом, остальные рассматриваемые

группировки (ЕАЭС, ЕАЭС с государствами обоих контуров — по отдельности и вместе) имеют большую устойчивость. Однако это может быть частично обусловлено и валютным фактором.

Рассчитанный наклон показывает, что в наблюдаемый период (и это накладывает ограничения в интерпретации) индекс Джини снижается во всех анализируемых группах государств, кроме СНГ («ЕАЭС 1-й контур») и ЕС. То есть в этих объединениях межгосударственное неравенство участников растет, что говорит об определенном тренде на дивергенцию. На графике видно, что дивергенционный тренд ЕС частично связан с выходом Великобритании из состава ЕС.

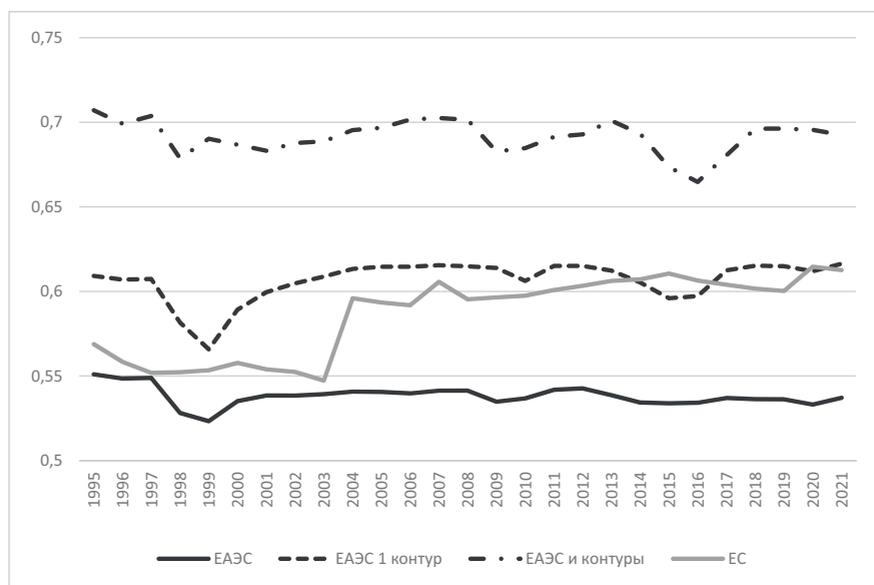

Рис. 2. Индекс Джини ЕАЭС, ЕАЭС 1 контур (СНГ), ЕАЭС и контуры и ЕС

Fig. 2. The Gini Index EEU, the EEU first contour (CIS), the EEU both contours and EU

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

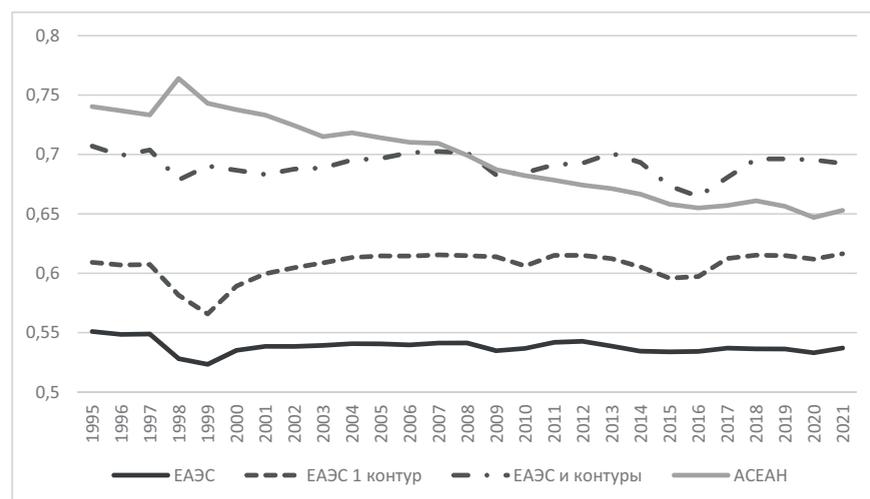

Рис. 3. Индекс Джини ЕАЭС, ЕАЭС 1-й контур (СНГ), стратегические контуры ЕАЭС и АСЕАН

Fig. 3. The Gini Index EEU, the EEU first contour (CIS), the EEU strategic contours and ASEAN

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Среди государств СНГ очевидны разногласия: ряд государств-членов первоначального соглашения о создании СНГ, такие как Азербайджан, Грузия и Туркменистан, не подписали новый вариант договора о зоне свободной торговли государств СНГ в 2011 г.¹, таким образом, выявленные авторами элементы дивергенции соответствуют такому положению дел.

Таблица

Описательная статистика индекса Джини

Table. Index Gini descriptive statistics

Группа государств	Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Наклон ²
ЕАЭС	0,51913	0,00418	-0,00023
ЕАЭС 1-й контур	0,58522	0,00842	0,00064
ЕАЭС 2-й контур	0,64989	0,00746	-0,00021
ЕАЭС и контуры	0,66699	0,00771	-0,00028
ЕАЭС и контуры+	0,69621	0,02205	-0,00152
ЕС	0,56646	0,02103	0,00256
АСЕАН	0,67348	0,03090	-0,00426

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Таким образом, рассчитанные авторами индексы Джини для государств ЕАЭС и государств первого и второго контуров его интеграции, а также ЕС и АСЕАН обладают значимым интерпретационным потенциалом. Во-первых, индексы Джини позволяют увидеть уровень неравенства государств — участников интеграционных процессов, а также сопоставлять разноуровневые интеграционные инициативы друг с другом. Во-вторых, динамика индексов Джини во времени позволяет с определенной точностью выявить периоды конвергенции и дивергенции в рамках интеграционных процессов. В-третьих, для разных временных интервалов имеющихся данных (5-летних, 10-летних и пр.) могут быть аппроксимированы тренды конвергенции и дивергенции.

Выводы

Интеграционные процессы играют важную роль в социально-экономическом развитии Большого евразийского пространства. Неравенство государств-участников может служить или барьером на пути новых интеграционных процессов, или причиной социально-политической дестабилизации. Гипотеза авторов состоит в том, что снижение неравенства является одним, но не единственным из условий гармоничной конвергенции в рамках интеграции. Действительно, интеграционное объединение, в котором увеличивается разрыв доходов государств-участников, сложно назвать успешным. Дивергенция в определенном смысле несет в себе элементы экстрактивистского поведения со стороны более богатых государств — «ядра» — по отношению к менее обеспеченным — «периферии». Таким образом, в теоретическом смысле авторы развили инструментарий оценки интеграции, предложив новый критерий оценки ее конвергенции и дивергенции. Использование данного критерия расширяет представление о содержании интеграции, которая может иметь как инклюзивный, так и экстрактивный вектор.

То обстоятельство, что ЕС (как объединение) и кластер государств, формируемый ЕАЭС за счет соглашений о создании зон свободной торговли, имеют разный институциональный статус, делает сопоставление индексов Джини не совсем корректным. Однако главный эмпирический вывод исследова-

¹ Договор о зоне свободной торговли [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/page/3490/>; Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/3183#text> (дата обращения: 16.03.2023).

² Функция «Наклон» рассчитана в Excel — это угол прямой, используемой для аппроксимации данных методом линейной регрессии.

ния — о том, что конвергенция ЕАЭС, рассчитанная по авторской методике, выше, чем у ЕС. Это имеет важное прикладное значение с точки зрения анализа влияния интеграции на социально-экономическое развитие евразийского пространства.

Исследование также показало, что реализуемая политика расширения ЕАЭС за пределы зоны свободной торговли со странами СНГ — путем формирования второго контура — является обоснованной стратегией институционального развития зон (кластеров) безопасности и устойчивого развития.

Более низкий уровень доходов на душу населения лидеров интеграции по сравнению с развитыми странами, исходя из самой методики расчета индекса Джини, обеспечивает меньшее исходное неравенство участников, а значит, более высокий уровень их конвергенции. Этот вывод опровергает общепризнанное мнение об изначальной проблемности интеграции развивающихся государств из-за их более низкого ВВП на душу населения.

Пример ЕС показывает, что включение в его состав большого числа менее обеспеченных государств Центральной и Восточной Европы, приведшее к выраженной дивергенции по доходам, является своего рода следствием политически мотивированного экстрактивизма со стороны более богатых государств европейского ядра по отношению к менее обеспеченным, приводит к институциональному контролю социально-экономического развития европейской периферии. В то же время в рамках АСЕАН наблюдается поступательное и устойчивое снижение неравенства государств-участников, что ставит под сомнение инклюзивность европейской модели. Таким образом, модели интеграционных процессов Глобального Юга, к которым относятся и АСЕАН, и ЕАЭС, демонстрируют социально-экономическую «инклюзию» по отношению к государствам с низким уровнем доходов на душу населения.

Литература

1. Бельченко М. А. От Таможенного союза к Единому экономическому пространству // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 2 (50). С. 78–87.
2. Бордачев Т. В., Вишневецкий К. О., Глазатова М. К. [и др.] Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
3. Ли С., Ван Ч. Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 38. С. 70–82. EDN: ТКТСВ
4. Либман А. М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72. EDN: HZKOFD
5. Лисоволик Я. Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. Июль, 2017. № 69. С. 3–11.
6. Обухова Е., Скоробогатый П. Партнерство незолотых миллиардов // Эксперт. 2016. № 27 (994). С. 12–20.
7. Смирнов В. В., Мулендеева А. В. Приоритеты российской бизнес-среды: индекс Джини, НДФЛ и ключевая ставка // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 1 (781). С. 211–227. DOI: 10.24891/fc.25.1.211. EDN: VRRUWC
8. Титович А. М., Торопыгин А. В. О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 95–105. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-95-105. EDN: QDKADJ
9. Adarov A. Eurasian economic integration: Impact evaluation using the gravity model and the synthetic control methods // Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw) working paper. September 2018. No. 150.
10. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper) [Электронный ресурс] / Foreign Policy Research Institute, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).

11. *Gast A.-S.* The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // *Post-Communist Economies*. 2020. No. 33 (2–3). P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
12. *Golam M., Monowar M.* Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
13. *Gorbunova M. L., Komarov I. D.* Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
14. *Sergi B. S.* Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
15. *Yesdauletova A., Yesdauletov A.* The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration, *TRAMES. Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2014. No. 18 (1). P. 3–17. DOI: 10.3176/tr.2014.1.01

Об авторах:

Горбунова Мария Лавровна, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0003-2733-568X

Комаров Игорь Дмитриевич, специалист по организационной работе 2-й категории Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат исторических наук;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: 0000-0002-0348-0471

Маслова Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: t.e.maslova@iee.unn.ru; ORCID: 0009-0009-8612-5130

References

1. Bel’chenko M. A. From the Customs Union to the Common Economic Space // *Research Notes St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]*. 2014. No. 2 (50). P. 78–87. (In Rus.)
2. Bordachev T. V., Vishnevskii K. O., Glazatova M. K. [et al.] *Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives for Russia: Report by XX Apr. Int. Scientific. Conf. on the Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 9–12. Dec 2019 / ed. by Meshkova T. A. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics. 2019. 123 p.* (In Rus.)
3. Li S., Wang C. China’s Take on the Future of the Eurasian Union // *International Processes [Mezhdunarodnye protsessy]*. 2014. Vol. 12. No. 38. P. 70–82. (In Rus.) EDN: TKTCIB
4. Libman A. M. Role of Economic Integration and Disintegration in the Post-Soviet Space: A Quantitative Analysis // *Studies on Russian Economic Development*. 2006. Vol. 17. No. 5. P. 498–507. DOI: 10.1134/S1075700706050066. EDN: STMLZR
5. Lisovolik Ya. D. BRICS Plus: Alternative Globalization? // *Valdai Notes [Valdaiskie zapiski]*. July, 2017. No. 69. P. 3–11. (In Rus.)
6. Obukhova E., Skorobogatyi P. Partnership of Uncollected Billions // *Expert [Ekspert]*. 2016. No. 27 (994). P. 12–20. (In Rus.)

7. Smirnov V. V., Mulendeeva A. V. Priorities of the Russian Business Environment: the Gini Index, Personal Income Tax and Key Interest Rate // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2019. Vol. 25. No. 1 (781). P. 211–227. (In Rus.) DOI:10.24891/fc.25.1.211. EDN: VRRUWC
8. Titovich A. M., Toropygin A. V. On the Application of Multidimensional Statistical Procedures in the Analysis of the Prospects for Cooperation between the EAEU and ASEAN // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. Vol. 16. No. 3 (41). P. 95–105. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-95-105. EDN: QDKADJ
9. Adarov A. Eurasian Economic Integration: Impact Evaluation Using the Gravity Model and the Synthetic Control Methods // Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw) Working Paper. September 2018. No. 150.
10. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper) [Electronic resource] / Foreign Policy Research Institute, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (accessed: 16.03.2023).
11. Gast A.-S. The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // Post-Communist Economies. 2020. No. 33 (2–3). P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
12. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
13. Gorbunova M. L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
14. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
15. Yesdauletova A., Yesdauletov A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration // TRAMES. Journal of the Humanities and Social Sciences. 2014. No. 18 (1). P. 3–17. DOI: 10.3176/tr.2014.1.01

About the authors:

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0003-2733-568X

Igor D. Komarov, Specialist in Organizational Work of the 2nd category of the Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: 0000-0002-0348-0471

Tatyana E. Maslova, Assistant Professor of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: t.e.maslova@iee.unn.ru; ORCID: 0009-0009-8612-5130